

АЛЕКСАНДР АРОНОВ

ПОГОВОРИМ?



В пятницу, 18 июня, начиная с 22.05 зритель канала "Россия" мог получить настоящее наслаждение (в этом слове еще слышится корень "слад"), да еще не без горечи...

Чтобы создать такую передачу, какая получилась у Петра Шепотинника ("К-2, Медиа"), собственного таланта мало. Нужен материал в виде талантливейшего человека и актера Зайченко, замечательный ансамбль "Седьмая вода" — и еще особая свобода, какая бывает, только когда знаешь, что делаешь свою последнюю передачу.

Кто такой Зайченко? Какая такая "Седьмая вода"? — спросят те зрители, которым не повезло. Обо всем по порядку.

Петр Петрович Зайченко — исполнитель роли таксиста Шлыкова. Ну, еще не вспомнили? В фильме Павла Лунгина "Такси-блюз". Который сюжетно и по жизни противостоит герою Мамонова, гениальному саксофонисту — пьянице-полуеврею. Помните, такой жлоб с каменными мускулами, скулами и еще с желваками? Посмотришь — вот оно, лицо русского фашизма!

Но почему, начав с непонимания Шлыкова и пройдя через ненависть, — зритель кончает сочувствием к его боли при почти полном безразличии к судьбе его антагониста, который нигде не пропадет со своим саксофоном? А и пропадет — не страшно, он ведь разговаривает с Богом и душа его не то что заранее спасена, а, так сказать, застрахована?

Почему единокровник саксофониста, брат по интеллигенции и тоже не дурак выпить режиссер Лунгин, по свидетельству Зайченко, с каждым кадром все больше влюбляется в их общего необаятельного героя — со стальными мускулами, скулами и желваками? Почему в конце концов "Такси-блюз" — кино не про саксофон, а про автомобиль?

И тут мы замечаем, что кого Павел Лунгин обманул в первую очередь, так это нас. Выдал актера Петра Зайченко (до этого известного немногим по "Параду планет") за типажа, в чем-то почти двойника Шлыкова.

Что правда, Зайченко — тоже чисто русский типажа, но другой. Мужик с хитринкой, но без всякого жлобства, что называется, себе на уме. С нормальным (или даже несколько выше) интеллектом. Но только, как сейчас это у настоящего интеллектуала принято, несколько надтреснутым.

ОТ ИВАНА ДО ПЕТРА, ИЛИ

ОДНОМЕСТНАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Он — чтец в Волгоградской филармонии (как принято было выражаться, мастер художественного слова) — не прокормишься, но и с голоду не пропадешь, всегда найдется дыра в концерте, которую следует заткнуть, пока переодеваются певцы и раздеваются певицы. А почему надтреснутым, так и это понятно: он проходил гражданскую войну сначала по Маяковскому и Багрицкому (и если мы могли воспринимать их лениво и отстраненно, то он должен был "зажигать зал" — работа такая), а уж потом по доктору Живаго.

Иными словами, для того, чтобы так сыграть таксиста, чтобы вырвать у обаятельного в стельку Мамонова не саксофон, а фильм, нужно прежде всего не уместиться в таксиста. Скажем, как не уместается в Шлыкова его бессмертная душа. Судьба которой — вот то, что нас беспокоит в фильме Лунгина.

Это показал Зайченко в своей искренней (и оттого бесподобно сыгранной) исповеди на фоне каких-то желтых обоев. Но динамика сюжета придается ведущим как-то своеобразно.

Прежде всего — он тоже появляется в кадре один, в пустой, на одного и рассчитанной электричке — а за окном леса России. Петр Шепотинник (все тут Петры — и Мамонов, и Зайченко — и ни одного Ивана Не Помнящего Родства. А Петр — сказано, есть Камень) сидит, покачивается в такт и читает при этом не то письмо, не то дневник Зайченко. Точно слов не запомнил, поэтому кавычек не ставлю.

...Кроме того, хорошо, что проехался по Руси. Увидел, на что похожа наша Перестройка. На еврейский погром...

Слышите? Он слышит чужую боль, как свою. И юмор у него тоже не поймешь какой: то ли над другими смеется, то ли над своей родиной слезы прячет.

А еще я обещал вам ансамбль "Седьмая вода". Есть и ансамбль. Два-три более хороших, чем заметных или громких, музыканта и певица с каким-то беззащитным голосом.

Первая песня написана поэтом (надо же!) хорошим (!), замечательным — и мне до сей поры неизвестным. Это, собственно, не песня, а баллада про водовоза Степана Грибоедова. Как-то судьба свела его с заезжим гипнотизером, который

На заплеванной маленькой сцене
Он буквально творил чудеса.

Что такое? Слова вроде бы обычные, а поэзия несомненно присутствует. "Заплеванной" — догадался я. Но жена сказала, что это довольно обычный эпитет для клубных сцен, которые всякий горазд обидеть. И тут я догадался: "буквально"! — это чистая, но все-таки стилизация под пораженную событием домашнюю хозяйку. Но она не пишет балладу. (Как и Зайченко никакой не таксист, а мастер художественного слова.)

Что случилось с водовозом? А все то же: побывав Наполеоном при Аустерлице (самой прославленной из своих побед, еще до сомнительного Бородино и уже несомненного Ватерлоо), он не захотел обратно в водовозы и покончил с собой.

Опять тот же сюжет? О душе, если и не поговорившей с Господом Богом, то подслушавшей чей-то чужой разговор, и что после этого вышло. Автор баллады о водовозе оказался знакомым — это А. Башлачев. Бард, покончивший с собой.

Что же это за напасть? Чтобы так все сошлись? И не нарочно, нарочно так не бывает, — а само по себе...

Звоню П. Шепотиннику. Не без дрожи спрашиваю, как он там. Ничего, отвечает. Только из "К-2" ухожу. А куда? К Сагалаеву. Надо будет, соображаю я, подключиться к 6-му каналу.

А то Берману одному, без Пети, не управиться ни со спорным Шолоховым, ни с бесспорным Мережко. А то про кино передач много, да что в них толку...